

*Орловская Елена Ивановна,
доцент кафедры теории и истории государства и права юри-
дического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент*

ИНСТИТУТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Введение смертной казни в Древней Руси происходило постепенно, параллельно с формированием государства. Уже в V в. в Законе Русском закреплялась кровная месть, исполнение которой было не только священной обязанностью членов рода, но и «законом» неписаного права, находившегося под контролем князей.

Эволюция смертной казни в Древнерусском государстве во многом связана с принятием христианства на Руси. Церковь стремилась искоренить языческие обычаи, особенно обычай кровной мести. Русская Кормчая книга указывает на то, что в Древней Руси церковь пользовалась правом убежища, а если кто «покушается нужею отъ извести прибегшаго, кто либо будеть, таковъ же да приметъ сто сорокъ рань, и тогда, яко подобаеть, да испытается обида прибегшаго». [2, с. 7].

Природное предназначение смертной казни изменяется в условиях становления и развития государства. Княжеская власть во времена Владимира Святого уже не могла обойтись без активного вмешательства в обычаи славян, которые постепенно изживали себя, теряя позитивные начала регулятора основных правил поведения. Более того, обычаи начинают препятствовать установлению единого правового пространства. В этих условиях княжеская власть могла утвердить себя не иначе, как только применяя насилие, приспособливая обычаи к интересам формирующейся государственной системы. Для этого княжеской власти необходимо было иметь правовой прецедент, на основании которого можно было искоренять

и приспособливать языческие обычаи, преобразуя их в единые нормы обычного права. Такой правовой нормой стала смертная казнь. Княжеская власть начинает активно применять смертную казнь по Градским законам, известным со времени введения христианства на Руси. Характерно, что смертная казнь в условиях возросшей дифференциации общества стала применяться и за имущественные преступления. Упоминание о смертной казни мы находим в ряде древних памятников. В летописях сохранились сведения о казни разбойников по указанию Владимира Мономаха. В 1069 г. Изяслав казнил 70 человек в поверженном Киеве. Были случаи казней в 1071 и 1157 гг. за «порицание веры», за «причинение мятежа и разделение в народе» [3, с.12].

Русская Правда не знала института смертной казни для свободных, хотя на практике она, несомненно, имела место. Умолчание о смертной казни можно объяснить двумя обстоятельствами: законодатель принимал смертную казнь как продолжение кровной мести, которую стремился устранить, и влиянием Церкви, выступавшей против смертной казни в принципе.

Институт смертной казни на Руси впервые законодательно был закреплён в 1398 г. в Двинской уставной грамоте, в ст.5 которой было указано: «а уличать (тятя) в третьи, ино повесити». В указанной статье предусматривается применение смертной казни только в одном случае – за кражу, совершенную в третий раз [3, с. 104].

Псковская судная грамота 1467 г. значительно расширяет случаи применения смертной казни по сравнению с Двинской уставной грамотой. Смертная казнь устанавливается здесь за воровство в церкви, конокрадство, государственную измену, поджоги, кражу, совершенную в посаде в третий раз. В целом же до издания Судебника 1497 г. масштабы казней ог-

раничивались не столько нормами права, сколько принятыми морально-нравственными категориями, обычаями и интересами княжеской власти.

Настоящий прорыв в назначении смертной казни за государственные преступления начинается в период формирования централизованного Русского государства в конце XV-начале XVI вв., что и зафиксировали Судебники 1497 и 1550 гг. Высшей мерой наказания в них предусматривалась смертная казнь, которая могла быть отменена государевым помилованием. Особое внимание законодатель уделяет государственным преступлениям, поэтому в законе появляются такие преступления, как «государственное убийство», «коромола», которые Судебники относят к числу наиболее опасных. В Судебниках впервые в русском праве вводится понятие «ведомый лихой человек», которое становится основным при определении наказания в виде смертной казни. Судебник 1497 г., наряду с подтверждением смертной казни «кротьскому татю» (церковному вору) и «зажигальнику», вводит смертный приговор «государственному убийце» и «коромольнику» (ст.9), смертная казнь предусматривалась и за повторную кражу (ст.11). Ст. 13 подтверждала, что «ведомому лихому человеку» грозит смертная казнь, если свидетели (5-6 человек) докажут, что он «ведомый лихой».

В годы правления Ивана IV начинает ярко проявляться позиция центральной власти на применение смертной казни в политических целях. Вместе с тем, следует отметить, что инквизиционный или розыскной процесс не был порождением Ивана IV. Он возник во второй половине XVI в. (до самостоятельного правления Ивана IV) и был объективной реакцией властей на ухудшение криминогенной обстановки в стране, на увеличение случаев разбойных нападений. Причем, если в период правления Ивана IV смертная казнь применялась без должных правовых оснований, поскольку служила политическим целям укрепления власти монарха, то по Уложению 1649 г. она встала во главе всех наказаний, защищая, в первую оче-

редь, основы государственного строя. Так, в Уложении 1649 г. число случаев, обложенных смертной казнью, доходило до пятидесяти четырех, а по исчислению профессора Сергиевского Н.А. – до шестидесяти [4, с.105].

В этот период мы можем говорить о двух видах смертной казни: простой и квалифицированной. В Уложении упоминается только один вид простой смертной казни – повешение, однако на практике столь же часто применялись обезглавливание и утопление. Квалифицированная смертная казнь в Уложении применялась в трех видах: сожжение, заливание горла расплавленным металлом, «окопание живою в землю» (неверным женам за убийство мужа) [3, с. 105]. Кроме того применялось четвертование, посажение на кол, колесование и другие виды смертной казни (всего более двадцати). Следует отметить, что все более активно применяя смертную казнь, сам законодатель в этот период еще не свободен от языческих обычаев и казуистических приемов изложения правовых норм.

Законодательное закрепление применения смертной казни на территории Беларуси появилось значительно позднее. Так, только в Судебнике Казимира 1468г. мы, пожалуй, можем впервые фиксировать применение смертной казни, которая предусматривалась в шести случаях и тоже, в основном, за кражу.

Только в XVI в. смертная казнь получает большое распространение и развитие. Так, если в Статуте 1529 г. применение смертной казни ограничивалось случаями наиболее тяжких преступлений (например, государственных, квалифицированных убийств), то в Статуте 1566 г. количество случаев смертной казни увеличивается почти втрое. В Статуте 1588 г. – почти в пять раз. В Статуте 1588 г. кроме повешения и сожжения уже говорится о таких видах квалифицированной смертной казни, как четвертование, посажение на кол, отсечение головы и т.д. Статут 1588 г. предусматривал смертную казнь за наиболее тяжкие преступления против рели-

гии и церкви, против порядка управления и правосудия, против личности, за целый ряд государственных, воинских и имущественных преступлений [1, с. 66].

Таким образом, несмотря на схожие тенденции в развитии института смертной казни на территории Беларуси и России, мы можем выделить и отличительные черты. Такие суровые формы наказания, как закапывание, четвертование, колесование не являлись характерными для белорусского обычного права и, вероятно, были привнесены извне. Законодательное закрепление института смертной казни на территории Беларуси появилось позднее, чем на территории Русского государства. Если же сравнивать Статуты ВКЛ с законодательными актами этого периода других стран, то следует отметить, что карательная политика белорусского государства была более гуманной и взвешенной (смертной казни не подвергались беременные женщины и несовершеннолетние, а применение ее ограничивалось особо тяжкими преступлениями).

ЛИТЕРАТУРА

1. Довнар, Т.И., Шелкопляс, В. А. Уголовное право феодальной Беларуси / Т.И. Довнар, В.А. Шелкопляс. – Минск: Академия МВД РБ, 1995. – 96 с.
2. Малиновский, И. А. Кровная месть и смертная казнь. Вып. 1/ А. Малиновский. – Томск, 1908. – 71 с.
3. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т..Т. 1/ Таганцев Н.С.; Сост. и отв. ред.: Загородников Н.И.- М.: Наука, 1994. – 380 с.
4. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т..Т. 2/ Таганцев Н.С.; Сост. и отв. ред.: Загородников Н.И.- М.: Наука, 1994. – 393с.